

Ширить фронт боевой публицистики!

НОВАЯ ТЕХНИКА И ВЕДОМСТВЕННЫЕ БАРЬЕРЫ

Недавно — в декабре минувшего года — в редакцию «Нового мира» пришло письмо. Оно было адресовано члену редколлегии журнала писателю Константину Фетину. Автор — Герой Социалистического Труда тов. Прозоров писал:

«Многоуважаемый Константин Александрович! Это Вам пишет председатель колхоза «Красный Октябрь» Вожаковский района, Кировской области. Если бы не эти были — мы встречались с Вами в Праге и в Варшаве. Я прочитал статью в журнале «Новый мир», № 9, «Районные бунды» В. Овечкина. Вот эта статья и заставила меня написать Вам.

...Не найдете ли Вы возможным командировать в наше хозяйство тов. Овечкина? Тов. Прозоров считал, что ситуация, описанная в «Районных бундах», типична в какой-то мере и для их района: он просил командировать писателя, чтобы В. Овечкина приехал к ним и помог разобраться в делах района.

Но так думает не только председатель колхоза «Красный Октябрь». На открытом партийном собрании секции очерка, публицистики и научно-художественной литературы, посвященном проблеме типичного, приводились и другие примеры того, как читатели восприняли очерки В. Овечкина. В Курской, Смоленской и других областях люди были уверены, что писатель отображал факты и события, происшедшие именно в их местах. Очерки Валентина Овечкина обсуждались на партийных активах, на собраниях секретарей райкомов.

Чем же объяснить такой успех писателя, выступившего с относительно небольшим произведением в два-три листа каждой? Случайно ли оба очерка Овечкина, уже обсуждавшиеся ранее на секции очерков Союза писателей, снова оказались в центре внимания открытого партийного собрания? Прежде всего объясняется это тем, что, смело вторгаясь в жизнь, автор смог подметить типичное. Мастерство формы изложения здесь сочетается с публицистической страстностью. «Наша жизнь именно потому и прекрасна», — писал А. Макаренко, — что мы способны бороться, то есть разрешать конфликты, смело идти на встречу...». Так и поступает В. Овечкин. Он не боится изображать жизнь в ее противоречиях, но уходит, не отворачиваясь от них; напротив, писатель стремится именно туда, где видны трудности, конфликт, чтобы своим внимательством помочь в преодолении недостатков.

При обсуждении очерков В. Овечкина отмечались следы некоторой спешки в очерке «В одном колхозе», спорность характеристик некоторых героев и пр. Но тем не менее, совершенно ясно, что новаторское значение очерков велико. Они являются ценным вкладом в успешное выполнение той важной задачи, которая предъявляется к советской литературе: помочь народу, партии подметить в жизни, наряду с переживаниями, положительными и отрицательными, те стороны, которые еще существуют, — подметить с тем, чтобы устранить!

На те же в общем темы, что и очерки В. Овечкина, — о современной колхозной деревне — написаны вышедшие в 1952 году книги рассказов В. Фоменко и Е. Дороша. Сравнивая произведения этих трех, являющихся друг на друга и озабоченных авторами, выступившими на собрании секции писатели говорили о различных методах подхода к разрешению избранной темы. В. Дорош видит то хорошее, что есть ныне в деревне, и сравнивает с тем плохим, что было там в дореволюционное время. Фоменко же видит прежде всего в этом сравнении В. Фоменко, главным образом, отбрасывает для изображения яркие, праздничные картины деревни сегодняшнего дня и резко обращает внимание на трудности, на темные стороны жизни. Овечкин же стремится повести своего читателя в наше завтра. Он показывает, то что вчера еще было плохо, сегодня стало лучше, но оно может и должно быть гораздо лучше.

В секции очерка, публицистики и научно-художественной литературы Союза советских писателей

завтра. Писатель зовет к устранению недостатков, к борьбе с косностью, преодолению препятствий на пути нашего движения вперед. Это путь нелегкий, но наиболее плодотворный.

Год назад на отчетно-выборном собрании секции, подводящем итоги ее работы за 1951 год, справедливо разлаживались критические голоса о том, что очеркисты еще отстают в освещении великих строек коммунизма, что наблюдается недооценка жанра публицистики, что на страницах газет и журналов появляются серые, незоработанные произведения. Выступавшие в прениях отмечали также, что критика не принимает участия в жизни секции, а произведения литераторов чаще всего обсуждаются только после выхода книги в свет, когда уже невозможно до переиздания устранить обнаруженные недостатки. Говорили о перебранных в теории жаргах.

И вот прошел год. Что же изменилось за это время в работе секции, как были учтены критические замечания писателей?

За это время секция провела ряд интересных мероприятий, например, творческое обсуждение, посвященное теме «Как писать о завтрашнем дне?» (по книгам Г. Кузнецова и В. Захарченко). Обсуждались произведения Б. Подорого, Е. Строгой, И. Прошниковой, Ю. Королькова и др.

Но, как и прежде, в работе секции очерка, публицистики и научно-художественной литературы не принимал участия критика. Достаточно привести такой вопиющий факт: в течение 1952 года на творческих обсуждениях секции не выступил ни один критик.

Поздотворно прошли собрания, посвященные проблеме типичного в очерковой литературе, вопросам участия писателей в пропаганде пятилетнего плана, задачам секции в свете решений XIX съезда партии. Все это можно занести в актив секции. Но если взглянуть на работу писателей-публицистов и очеркистов, сообразуясь с большими задачами, стоящими перед всей советской литературой, будет ясно: сделано и делается еще очень мало.

В Союзе советских писателей не раз обсуждались произведения о великих стройках коммунизма. Жанр публицистического очерка позволяет оперативно рассказывать читателю, что происходит сегодня на стройках, раскрыть в художественной форме героические усилия советских людей — строителей коммунизма. Но в минувшем году очеркисты, как и другие писатели, не могли похвалиться особыми успехами. Больше года тому назад вышла документальная повесть В. Галактионова и А. Аграновского «Утро великой стройки». На стройках коммунизма давно наступил день, а хороших произведений об этом дне, когда широко развернулось трудовое наступление, еще почти нет.

Одно из немногих исключений представлял собой сборник рассказов Б. Подорого «Современники», в которых автор стремился дать типичные портреты строителей Волго-Дона. Герои лучших рассказов книги — рядовые советские люди, преданные своему делу, мастера, освоившие новую технику, обладающие широким идейным кругозором. Но, отмечая в целом эту книгу, как положительное явление, следует при этом сказать, что в отличие от очерков В. Овечкина в рассказах Б. Подорого конфликты почти даны односторонне: в рассказах преимущественно говорится о борьбе с природой, о смелом преодолении технических трудностей. Но ведь строители коммунизма нередко борются не только с внешними трудностями, они преодолевают и трудности внутреннего свойства, недостатки, вызванные еще бытовыми условиями жизни, отсталыми жилищными условиями. При наличии отмеченных недостатков очерки и рассказы Б. Подорого вполне закономерно собрались в

одну цельную по теме и замыслу книгу. А это бывает не столь часто. Чаще получается иное — очерки живут ограниченное время только на страницах газет или журналов, не выдерживая испытания временем.

Но все ли делается нашими литераторами для того, чтобы рассказать читателю о величественном и прекрасном Союзе? Много ли очерковых, публицистических произведений появилось на страницах литературных ежемесячников, на титульных листах которых написано: «Литературно-художественный и общественно-политический журнал»? Пока еще мало, и качество их сильно в разном невысоком. Упреки в невысоком качестве ряда публикуемых материалов заслуживает и журнал «Огонек». Там появляется особенно много безмятежно созерцательных очерков, где события разворачиваются спокойно, ровно, без всяких конфликтов. Нередко очерки в «Огонек» страдают лакировкой действительности, отсутствием даже намека на критику каких бы то ни было отрицательных, неказовых сторон жизни.

Не потому ли все это происходит, что многие наиболее опытные и зарекомендовавшие очеркисты и публицисты принимают ныне все еще слабое участие в работе журналов, сами отказываются от всеобщей читательской трибуны, часто уступая ее менее квалифицированным журналистам, а порой и просто халтурщикам? А ведь только журнал «Огонек» публикует в год до 150 очерков. Печатаются очерки и статьи также и такие популярные в народе журналы, как «Работница», «Крестьянка», «Молодой колхозник», «Смена» и многие другие.

Разве тревожащее положение в невысоком качестве и явно недостаточном количестве очерковых и публицистических материалов в журналах не должно быть предметом тревоги в секции очерков? Конечно, да. Тогда почему же за весь год секция не обсудила работу отдела очерка и публицистики хотя бы одного журнала? Из плана в план переносится это важное мероприятие. В течение целого года секция не обсуждала также и проблем публицистики. По сути дела забыт и такой важный раздел публицистики, как публицистика международная.

А между тем задача ясна — фронт публицистики должен стать гораздо более широким, чем сейчас: это — передовая линия идеологической борьбы. Не может быть в нашей стране литератор, который не считал бы публицистику своим родным, кровным делом. Публицистика органически входит в самые разнообразные жанры нашей литературы — в роман, пьесу, стихи. А хороший очерк или статья, в том числе теоретическая, просто неммыслимы без плановой публицистической насыщенности.

К этому обязывают нас традиции русской прогрессивной литературы. В статье, открывавшей первую книжку Пушкинского «Современника», говорилось, что «журналистская литература, эта живая, свежая, горячая, чуждая литературе также необходимой области наук и художеств, как пути сообщения для государства...». В. Г. Велеский выразил эту мысль в своей статье для того, «чтобы показать, что «Современник» имеет настоящий взгляд на журнал».

Что же говорить о журналистской литературе нашего советского общества! Недаром основоположники литературы социалистического реализма А. М. Горький в статье «О литературе» писал: «Никога и вглядеть важнейшее дело познания своей страны не развилось так быстро и в такой удачной форме, как это совершается у нас. Очеркисты» рассказывают многогранному читателю обо всем, что создается его энергией в самом огромном пространстве Союза Советов, на всех точках приложения творческой энергии рабочего класса».

К этому зовут и пример В. В. Маяковского: поэт не упустил возможности выступить в печати не только со стихами, но и со своими блестящими очерками. В одной из статей, написанных после поездки по Польше, он говорит: «Литература СССР — только участник на огромном фронте борьбы мира за освобождение; наши слова записываются за кордоны — и там это не шаблонные агитки, а чуждое свободное слово».

Высокий пример доблестной публицистики в дни Великой Отечественной войны показали такие советские писатели, как А. Толстой, Н. Эренбург, М. Шолохов, Н. Тихонов, В. Горбатов и другие.

Каковы беззастенчивые слезы обладает наша литература для широкого развертывания фронта публицистики! Боевая публицистика, разумеется, дело не только членов секции очеркистов. Это — неотъемлемая часть профессии каждого советского литератора. Почему же в прошлом году читатель почти не встречал на страницах периодической печати публицистических выступлений большинства наших крупнейших, широко известных народу писателей? Правильно ли такое положение? Нет, неправильно. Разве не прямой долг больших художников слова возлагать фронт широкой публицистики, быть в первых рядах агитаторов и пропагандистов?

Вопросы политики, морали советского общества, проблемы экономики и науки, борьба за мир во всем мире, разоблачение поджигателей войны, вопросы деятельности — какой огромный круг тем для публициста!

Кому, как не советским литераторам, решать эти задачи?

Но публицистика — не только долг и обязанность писателя, — это предмет высокого внутреннего удовлетворения для литератора. Публицистика — непосредственное боевое выражение того, что получает писателя, того, что он полнит в жизни и чем он, по долгу гражданина и художника, стремится немедленно поделиться с читателем. В разное не редкостно иметь право и возможность во имя борьбы за общее дело действовать, воевать великим оружием слова, которое через журналы, газеты, радио становится достоянием миллионов.

К сожалению, даже хорошие писатели, со знанием широкого признания народом произведения, не всегда уясняют себе роль публицистики, ее значение. Как, например, расценить письмо писательницы Г. Николаевой, содержание которого отсылало на открытом партийном собрании секции очерка, публицистики и научно-художественной литературы член редколлегии журнала «Огонек» тов. Марина? В ответ на обращение редакция к писательнице с просьбой написать для журнала очерк важную и интересную тему Г. Николаева написала: «Благодарю Вас, но я сейчас, слава богу, уже могу не писать очерков».

Откуда вдруг у сравнительно молодой писательницы Г. Николаевой появилось после опубликования ее первого же романа такое барьерное переживание к очерку, как к чему-то третьестепенному? Разве, к примеру, ее очерк «Колхоз «Трактор», не явился образцом боевой публицистики, который по праву может гордиться автор «Жатвы»?

Участие писателей в работе своих печатных органов, их публицистическая и очерковая деятельность — дело первостепенной важности. Секция очерков обязана преодолеть свою замкнутость, она должна смело ставить большие принципиальные вопросы, имеющие общее значение для всей литературы.

И здесь, с одной стороны, задача самой секции расширить пределы своей работы и, с другой стороны, — задача руководства Союза советских писателей активно поддерживать все направленные на это начинания. Все лучшие силы нашей литературы, все внимание писательской общественности нужно привлечь к расширению фронта боевой публицистики, к усилению ее наступательного духа.

В «Литературной газете» была напечатана статья писателя Е. Катерли «О землеройном комбайне». Напомню кратко ее содержание. Пять лет назад ленинградский опытный завод Министерства электростанций СССР спроектировал и построил погрузочно-разгрузочную машину нового типа — «ОПЭИ». Специальная комиссия высоко оценила ее качества. После испытаний опытного образца был разработан проект серийной машины. Но на этом интересе министерства к «ОПЭИ» исчерпался. Проект положил в архив, а машину, на которую затратили около двух миллионов рублей, свезли на заводскую свалку.

Но так уж уклад нашей советской жизни — новое, прогрессивное не может погибнуть. О машине вспоминали. Причтенный и самый повод, побуждавший вновь заговорить о ней... На великих стройках используются землеройные машины большой мощности. Недавно последней новинкой землеройной техники был шагающий экскаватор с ковшом емкостью в 14 кубометров. Иные ковши протыкают еще более мощные существующие экскаваторы не претерпевая существенных изменений. Хотя жизнь и предъявляет новые требования, экскаватор работает по принципу допаты: ковш вращается в грунт, затем, зачерпнув его, отбрасывает в сторону. На 14-кубовый экскаватор установлены моторы общей мощностью в 7 тысяч киловатт — мощность небольшой районной электростанции. Но могучая сила экскаватора, как и в всех машинах непрерывного действия, используется весьма неравномерно и неполно: средняя нагрузка машины не превышает 800 киловатт.

Опыт эксплуатации экскаваторов на великих стройках заставил конструкторов задуматься над созданием землеройной машины большой мощности для непрерывного рывка грунта. Так возникла идея землеройного комбайна. При этом высказывались предположения, что решить эту задачу можно, используя в качестве основного рабочего процесса обрушение грунта. Эта новая, рожденная на площадках великих строек техническая идея и заставила вспомнить о машине, являющейся на свалке ленинградского завода.

Статья «О землеройном комбайне» вызвала многочисленные отклики. Инженеры с великим строк запрашивают, где можно ознакомиться с новой машиной. Студенты техникумов вузов просят прислать ее схему для изучения. Знающий экскаваторщик Кубышев из Ярославля Б. Коваленко заявляет: «Дайте эту машину нам, и мы поможем конструкторам довести ее до рабочего состояния».

Откликнулось и Министерство электростанций СССР. В редакцию поступило письмо заместителя министра тов. Д. Чинова. Он объясняет, почему министерство потеряло интерес к «ОПЭИ». Но, к сожалению, объяснения эти — неприкрытая попытка отвести ответственность с новой машиной. Студенты техникумов вузов просят прислать ее схему для изучения. Знающий экскаваторщик Кубышев из Ярославля Б. Коваленко заявляет: «Дайте эту машину нам, и мы поможем конструкторам довести ее до рабочего состояния».

Откликнулось и Министерство электростанций СССР. В редакцию поступило письмо заместителя министра тов. Д. Чинова. Он объясняет, почему министерство потеряло интерес к «ОПЭИ». Но, к сожалению, объяснения эти — неприкрытая попытка отвести ответственность с новой машиной. Студенты техникумов вузов просят прислать ее схему для изучения. Знающий экскаваторщик Кубышев из Ярославля Б. Коваленко заявляет: «Дайте эту машину нам, и мы поможем конструкторам довести ее до рабочего состояния».

Откликнулось и Министерство электростанций СССР. В редакцию поступило письмо заместителя министра тов. Д. Чинова. Он объясняет, почему министерство потеряло интерес к «ОПЭИ». Но, к сожалению, объяснения эти — неприкрытая попытка отвести ответственность с новой машиной. Студенты техникумов вузов просят прислать ее схему для изучения. Знающий экскаваторщик Кубышев из Ярославля Б. Коваленко заявляет: «Дайте эту машину нам, и мы поможем конструкторам довести ее до рабочего состояния».

Видимо, для того, чтобы соблюсти престиж министерства, тов. Д. Чинов пытается прежде всего доказать, что путь «ОПЭИ» на свалку вполне закономерен.

Как утверждал в своем письме тов. Чинов, электростанция накопила опыт эксплуатации другой машины — «РПМ-2», сходной по своей конструкции с «ОПЭИ». Поскольку же «РПМ-2» не оправдала возлагавшихся на нее надежд, министерство отказалось и от «ОПЭИ».

Читатель и просто не верит глазам своим! Откуда взят аргумент, будто одна машина «сходна» с конструкцией другой? Нет ничего общего у этих машин, ибо «РПМ-2» работает по принципу многокошковой экскаватора, а «ОПЭИ»... вовсе не имеет ковшей! В этом легко убедиться, даже не раскрывая документов, хранящихся в архивах министерства, а просто взглянув на обе машины. Фелот, да не тот!

Далее в письме сообщается, что «при разработке «ОПЭИ» министерство не ставило себе задачи создания землеройной машины». Тов. Чинов, видимо, хочет объяснить,

почему министерство отказывается от использования «ОПЭИ» как погрузочно-разгрузочной машины, но позабылось о дальнейшей ее судьбе. Но нет никакого оправдания этому, нельзя согласиться с таким ведомственным подходом к новой технике!

Ведь при первом же испытании опытного образца комиссия министерства обнаружила это важное свойство новой машины и обратила на него внимание своих руководителей. В акте мы находим такую запись: «Машина может эффективно работать по экскавации песчаных грунтов любых фракций и глин при соответствующем разрыве лопастей устройства; машина может выполнять массовые планировочные работы». Иными словами, инженеры — члены комиссии увидели в испытываемом ими образце землеройную машину, работающую на совершенно новом принципе, ту машину, о которой давно уже мечтали строители.

Но министерство, получив этот акт испытаний, положило его под сукно. Министерство электростанций несколько не заботилось о судьбе строителей: «Не моя, мол, печаль чужих дел качать»...

Три четверти века назад великий русский изобретатель П. Н. Яблочков работал над электротолчком соли. По времени одного из многочисленных опытов параллельно расположенные и погруженные в электролитическую ванну угольки случайно сблизились, и между ними вспыхнула яркая электрическая дуга. В это мгновение у Яблочкова родилась его идея знаменитой «электрической свечи». Мог ли изобретатель погасить эту принесшую столько блага человечеству идею лишь потому, что она не относилась к электротолчку соли? Не мог, конечно. И не полезно ли вспомнить об этом примере из жизни великого русского ученого некоторым руководителям работников Министерства электростанций?

Узнав из газеты о новой машине, на ленинградском заводе побывали видные ученые, конструкторы, в их числе — профессор Ленинградского кораблестроительного института В. Дмитриев, руководитель кафедры Московского инженерно-строительного института проф. Н. Домбровский.

Что же они увидели там? За четверть века на заводе сформировался коллектив талантливых конструкторов-энтузиастов. Они и сейчас упорно работают над решением поставленной XIX съездом партии задачи: механизировать трудоемкие и тяжелые работы в промышленности и строительстве. Но эта большая народнохозяйственная задача выходит за пределы ведомственных интересов министерства. Создается реальная угроза сокращения творческих поисков этого талантливого коллектива, ибо, по вине министерства, труд конструкторов во многих случаях остается бесплодным.

Рассужает на заводском дворе «ОПЭИ», имеющая большие перспективы. В закромах и тупики поставлены (за ненадобностью) и другие многообещающие машины. Двор опытного завода стал, по сути дела, кладбищем, где похоронены воплощенные в металл смелые, интересные замыслы конструкторов.

Почему они не увидели света? Почему остались опытные экземпляры лишь в других случаях, недоработанными конструкциями? Да потому, что Министерство электростанций не испытывает в них себя, не испытывает с ними другие министерства, а считает нужным.

Так обстоит дело. И совсем не так его старается преувеличить тов. Д. Чинов.

Думается нам, что ему следовало бы более внимательно, по-деловому рассмотреть критику недостатков работы министерства. Отмахиваться от требований жизни нельзя. Нельзя и отгородиться от них ведомственными перегородками.

Только государственный подход к делу может обеспечить правильное решение любого вопроса. От такого, единственно правильного подхода зависит и судьба машин, созданных новаторами, работающими в системе Министерства электростанций. Машин эти могут повысить производительность труда и механизировать трудоемкие процессы не только на предприятиях этого министерства, но и в других важнейших отраслях промышленности и строительства. А раз так, то и нужно позаботиться об этом.

В. КУКИНОВА

Плохая отметка

О физическом воспитании школьников

1. Вадика — сыну моих соседей по квартире — сейчас пятнадцать лет. А приехал он к нам, когда ему не было и шести. Он вырос у нас на глазах. У нас на глазах он перебрался из безветровых питаний на лыжах в броне, меняя взамен шпалочку с помпоном на кепку, а «сегурочки» на привязанные веревки к валенкам, — на «гаги» с ботинками.

На наших глазах совершалось и другое чудо — будничное, но всецело чудо превращения немыслимого в человека.

Восьмь лет назад мать повзрела своего сына к порогу школы. Его неверная рука с древним трудом пыталась изобразить на косяк линейке прямую, как гвоздь, палочку — первый элемент будущей буквы.

Восьмь лет изюда в день велел гигантская и кропотливая из работ — работа по формированию человеческого разума. И вот мы видим — не умевший соединять буквы в слог сейчас анализирует «композицию и символику драмы Островского «Гроза», разбирает тригонометрическую форму ботиночных чешуй», рассказывает о «кинетической энергии поступательного движения тела». Это сделала школа, учителя. Они научили его читать, писать, считать, они научили его мыслить. Да, школа, и именно шк. обязан мальчик своим скачком от буквы к тригонометрии, всего своего чудесной умственной трансформацией.

Но с восьмью до пятнадцати лет развился не только его ум, но и его тело, его мускулы. Это физическое формирование подталкивает, роет его физическую культуру. Но тут — мы все свидетели — Вадик был обречен, почти как дикарь, на полную самостоятельность. Если обучая грамоте, учитель заблуждался в умело подержанную дрожавшую руку ребенка, зная его осторожно и последовательно от буквы к хрестоматии, то призывавать «сегурочки» веревкой к валенкам и пытаться удерживать на них Вадик научился сам, сам перебрался с обаятельной тротуарной на зеркало катка — словом, тайну образования крепких мускулов он постигал без педагогического вмешательства.

Школа в ее организации предоставляла ему полную свободу подвигать спорт или отвлечься от него, стать ловким или

И зайдем мы вообще в школу, а в выпускникам. Вель это те, кто через несколько месяцев навсегда покинут школу, унося с собой тот запас знаний и физкультурных навыков, которые помогут им жить, трудиться, завоевать спортивную славу Родины, а если понадобится — защищать ее от врага. Это те, на ком все выше результаты того физического воспитания и обучения, которые дает учащемуся школа. Какими же эти результаты?

В школе для десятых классов. В них — шестидесять выпускников. Но из шестидесяти только трое имеют спортивный разряд. Один — по лыжам, один — по бегу и один — по прыжкам. Но разрядники — это, так сказать, ученик-отличник, ученик-медальник. Не все шестидесять, разумеется (хотя, конечно, и не трое!) должны быть обязательно физкультурниками-медальниками. Однако спортивно-грамотными, то есть владеющими элементарными гимнастическими навыками, умеющими плавать, грести, ходить на лыжах, должны быть, на наш взгляд, все шестидесять. Все шестидесять, и никак не меньше, обязаны в итоге десятилетнего физкультурного обучения сдать нормы комплекса «Готов к труду и обороне» I-II ступени. Но в школе, успешный грамотник, только 33 выпускника из 60 опилили эти нормы. Получается, что добрая половина юной выходит в жизнь не подготовленной к труду и обороне.

Большинство учащихся этой школы не имеет возможности сдать нормативы по плаванию — негде, без бассейна. Занятия по плаванию заменяются волными движениями, вольболом и баскетболом. Но такую замену легко осуществить в расписании занятий. В жизни же она невозможна. Мало вероятно, чтобы тонущего человека, не обученного в свое время плаванию, спасали волные движения или умение играть в вольбол. Замена явно неравноценная.

То же самое происходит и в этой школе с лыжами. Но плану, в наступивший после зимних каникул четвертый четверть учащиеся, начиная с третьего и до десятых классов включительно, должны были заняться лыжной подготовкой. Но в школе нет ни одной пары лыж. К базе прикрепиться нельзя — в районе их нет. И вот план четверть четверти срывается. Лыжной подготовкой школьники не получают. «Бузом» заменят ее, — говорит физрук школы, — гимнастикой и вольболом».

Такова картина в 178-й школе. Что же тогда делается в школах, не из гражданских грамотами «за физкультурные достижения»? Каков здесь уровень физической подготовки? А вот каков. Среди учащихся, объединяемых школьными физкультурными коллективами, — только 15 процентов сдали нормы на значок ГТО I-II и 2-II ступени. Ничтожное, непростительно малое число — капля в море!

Слабость спортивного воспитания школьников во всей полноте обнаруживается на различных соревнованиях. Целью баскетбольных игр, например, материалы от юных Всесоюзных юношеских спортивных соревнований, проведенных в минувшем году. Две тысячи школьников приняли участие в этих соревнованиях. И что же? В состязаниях по броскам легкой атлетики — в беге на 400 метров, на 110 метров с барьерами, в прыжках в высоту, с шестом, в тройном прыжке, метании диска, копья, толкании ядра — ни один из участников соревнований не достиг результатов первого разряда.

3. Как же это случилось? Почему школа нередко выпускает физически слабо подготовленных школьников? Разве физкультура в ней не преподают?

Нет, физкультура, как предмет, существует в школьных программах. Существует и уроки физкультуры, и преподаватели физкультуры, в отделе же успеваемости. И тем не менее преподавание этого предмета, его постановка резко отличаются от преподавания других школьных дисциплин.

Если переход из класса в класс означает для школьника переход от одной ступени познания к другой, означает получение последовательно освоенного и завершенного комплекса знаний, то в отношении физической культуры этого нет.

В самом деле. Вель такого не бывает, чтобы ученик 7-го класса, умеющий решать уравнения с неизвестными, не имел понятия о табличных умножениях. То, что знает второклассник, — для семиклассника пройденный этап. А в физкультуре это, оказывается, совсем не обязательно. Десятилетний ученик четвертого класса превосходит бегает на лыжах, а четырнадцатилетний семиклассник не умеет держать в руках лыжные палки. Мальчик второклассник плавать и нырять, как рыба, а устный выпускник — в воде, как точер. При этом не умеющий плавать или не владеющий лыжами выпускник вовсе не рассматривается, как

неуспевающий, а школа, не обучившая его этому, — как плохая. За это не несет никакой ответственности ни школа, ни Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта, ни Министерство просвещения.

4. Какой предмет может всерьез считаться учебным предметом, если преподавание его ведется без учебника, то есть без научно разработанных основ? По физкультуре учебника не было, нет и пока не предвидится. Ни Академия педагогических наук, ни Центральный научно-исследовательский институт физической культуры такого учебника не создали, а министерства просвещения смирились с этим.

Никому и в голову не придет преподавать, скажем, географию без карты, географию у других обязательных учебных пособий. А вот физкультура в большинстве случаев преподается именно так.

Обращение этого предмета учебным пособием всецело зависит от спонсированной директоры школы к физкультуре. Покровительствует директор спорту, есть в нем спортивная «завка» — будут у школьников мяч, брусья и т. д. Нездолгобавает — не будут...

По старым порядкам, средства для приобретения наглядных пособий выделяются школе без требования тратить определенную сумму на нужды физкультуры. И как так за успеваемость по физкультуре с директором школы никто по-серьезному не спрашивает, то он и тратит эти деньги чаще всего не на физкультуру.

В 598-й школе Свердловского района Москвы почти отсутствует спортивный инвентарь. Нет ни одного мяча, нет трамплинов, матов, гимнастической стенки. В 126-й школе Советского района столицы гимнастические упражнения, бег на месте и прочая «физкультура» проводятся в тесном и душном классе. А много ли таких школ? Много. В городе Горьком, например, менее трети школ полностью обеспечены спортивным инвентарем. Для большинства школ этого города спортивная площадка — редкость. И не только для этого города. Почти половина школ РСФСР не имеет спортивных площадок.

Преподаватель без специального образования — явление неслыханное или, по крайней мере, исключительное для любого школьного предмета. В физкультуре же это не исключение, а правило. У большинства преподавателей физкультуры отсутствует не только высшее специальное, но даже и

среднее специальное образование. Вот цифры: в школах СССР преподавателей физкультуры с высшим образованием насчитывается 3,8 процента, со средним — 18,9 процента, с курсовой подготовкой — 26,4 процента, без специального образования — 50,9 процента. Таким образом, свыше 76 процентов учителей физкультуры не имеют среднего и высшего специального образования.

Физическое воспитание детей немыслимо без научно разработанных вопросов физиологии и гигиены школьников, без медицинского руководства и контроля. Но деятельность врача в школе свелась в большинстве своем к прививкам, смазыванию йодом случайных царапин и сидении да к выдаче справок уезжающему в пионерлагерь школьнику.

Факты показывают, что руководящие органы здравоохранения проявляют непрестанную беззаботность в отношении к судьбам физического воспитания детей, что они устранились не только от научного, но и от аналитического практического руководства и контроля за этим делом. Достаточно сказать, что разработка программ по физическому воспитанию в школе, в частности разработка последней программы, проходила без участия представителей органов здравоохранения и медицинского науки.

Неудовлетворительно поставлен и медицинский контроль за физическим воспитанием детей.

Характеризуя цели и задачи физического воспитания советского школьника, Михаил Иванович Калинин говорил в свое время следующие: «Мы хотим всесторонне развить человека, чтобы он умел хорошо бегать, плавать, быстро и красиво ходить, чтобы у него все органы были в порядке, — словом, чтобы он был нормальным, здоровым человеком, готовым к труду и обороне...»

Может ли мы сказать сегодня, что система и уровень физического воспитания наших детей полностью соответствуют этой задаче? Могут ли наши основные ответственные за это дело организации — министерства просвещения, здравоохранения и спорта, не покрытив душой, ответить на этот вопрос положительно? Нет, не могут. Факты и жизнь опровергают их.

По ответить необходимо. Нельзя относиться формально к большому и серьезному делу физического воспитания подрастающего поколения.

С ЛЮБОВЬЮ — О МАЯКОВСКОМ

Любовь к творчеству Маяковского вошла в нашу жизнь. Восемнадцатилетние воспитанники из Маяковского школьного; тридцатилетние проносили любовь к поэту через фронты Отечественной войны; наших старших братьев еще четверть века назад давсегда покорил голос поэта-трибуна.

Будит Р. Григория «Владимир Маяковский» написана человеком, который любит Маяковского. Эта любовь придает его исследованию темперамент. Книгу Р. Григория интересно читать, и за малыми исследованиями, она не заставляет испытывать того чувства неловкости, которое возникает, когда от расклевывающей строфы поэта переходят к теплому комментарию.

Живая заинтересованность в творчестве Маяковского подкачала исследователю аснне построение книги. Главное внимание уделено тому, чем Маяковский дорожил, и будет дорожить завтрашнему, что сделало его лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи.

Маяковский, как основоположник поэзии социалистического реализма, — такова тема исследования. Социалистический реализм изображается в книге не как раз и навсегда данная цель, к которой надо все живое только «приближаться», а как исторически складывавшийся творческий метод советской литературы, создателем которого вместе с Горьким был и Маяковский.

Все, что связано с этим главным тезисом, составляет наиболее плодотворную часть исследования: характеристика «Мистерии-Буфф» и других произведений первых лет Октября, как важного этапа в борьбе за подлинный поэтический, идейное искусство; анализ поэтического пропаганды Маяковского, и, наконец, анализ наиболее значительных сочинений — поэм «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Во весь голос», произведений, говорящих о месте поэта в рабочем строю, заграничных стихах.

Верно выбранное направление книги позволило автору правильно показать, с каким идейным противником постоянно боролся Маяковский. Это — апатизм, обывательщина, трусость, ханжество, лицемерие, боязнь критики, низкопоклонство.

Заслуга исследователя в том, что на протяжении всей работы он последовательно подчеркивает наступательный дух творчества Маяковского и показывает, какое огромное значение для литературы сегодня имеет опыт поэта, увещившего, как никто другой, обнаружить, разоблачить и класть все, что мешает нашему движению вперед.

В главе «Отношение к классической литературе» Р. Григорий опровергает вредную легенду о нигилизме Маяковского в отношении к классическому наследию.

Р. Григорий, «Владимир Маяковский», Ай-нтернат. Ереван, 1952 г. 437 стр. Перевод с армянского Е. Меликян.

В МУЗЕЕ А. С. СЕРАФИМОВИЧА

В течение всей своей замечательной жизни Александр Серфимович был связан с Дюном, родным краем, где он родился и вырос, учился в гимназии, где жил под мажором полиции после отбывания ссылки.

В бывшей станице Усть-Медведицкой, ныне городе Серфимовича, в густых зеленых садах, покрытых собою пыльным снегом, стоит небольшой дом, в котором находится музей А. С. Серфимовича.

В стенах музея показан шестидесятилетний творческий путь писателя. Собрано свыше трех тысяч экспонатов. Здесь хранятся различные издания его произведений, документы, рукописи, письма, личные вещи, библиотека.

Вот черновые рукописи «Железного потока», планы отдельных глав, различные варианты, материалы к роману. По ним можно получить яркое представление об огромной работе писателя над словом, фразой, диалогом, композицией.

В личной библиотеке А. Серфимовича находятся основные произведения классиков марксизма-ленинизма, энциклопедические словари и справочники, собрания произведений классиков русской литературы и советских авторов. Широко представлены иностранная художественная литература и книги по самым различным отраслям знания. Большинство книг содержит пометки писателя.

Представляют интерес и личные вещи писателя. Вот набор столярных и слесарных инструментов — долоток рабочих заводов «Красное Сормово». Многочисленные кожаные и рыболовные принадлежности, компас, барометр, набор лесок, клески билет, водно-моторного клуба в Москве — все это говорит о любви писателя к природе, путешествиям, спорту.

В фондах музея собрано значительное количество произведений изобразительного искусства: прекрасные акварели и рисунки, иллюстрирующие рассказы А. Серфимовича, пейзажи А. Грекова, эскизы художника Г. Савицкого к картине «Вой у Горбатого моста», портреты писателя.

Здесь хранятся и редкие фотографии писателя, относящиеся к различным периодам его жизни.

В 1952 году музей посетили около ста экскурсий. Особенно оживленно было лето, когда из различных городов страны съехались экскурсанты, чтобы принять участие в величественных торжествах, посвященных открытию Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина. Многие заезжали к нам, чтобы побывать в городе, носившем славу имен творца «Железного потока».

В связи с исполняющимся 90-летием со дня рождения писателя мы создали передвижную выставку и направили ее в уезд Рязанской области. Романовского района, Ростовской области. Сюда в связи с открытием Цимлянского моря из станицы Нижне-Курмыков перенесли дом, в котором родился А. Серфимович.

В. ГАВУРОВ, директор Музея А. С. Серфимовича.

ласе выражении той мысли, что в искусстве, в литературе раскрывается новая страница, наступают новые времена, в которых надо писать новыми словами, в новой форме, новыми приемами». Не нужна в трактате раннего Маяковского такая нитка. Должны «самодельности слова» формалистичны, как его ни комментировать.

Нужно ли стилизовать оговорками восторженные отзывы раннего Маяковского о Хлебникове? Не нужно. Есть в этой главе и другие накладки такого же рода.

Об ошибках в предположительных теоретических высказываниях Маяковского нужно говорить прямо, как об ошибках. То, что он пришел к реализму в борьбе с этими ошибками, не умаляет Маяковского, как не умаляет Белинского, то, что он был автором статьи «Мещанин, критик Гете».

Самостоятельный раздел книги составляет работа «Маяковский и армянская литература». Учитывая, что это одна из первых работ на данную тему, ее нужно приветствовать, главным образом, за широту привлеченного материала, за стремление решить проблему на широком историко-литературном фоне.

Но в этой главе есть существенный недостаток. Вода правильную потечку с теми, которые, «пробывая в плесну узко групповых, приятельских отношений, лезут из кожи вон, чтобы закрепить монополизацию на знание продолжателя традиций Маяковского... лишь за тем или иным отдельным поэтом». Р. Григорий выдвигает, по меньшей мере, странный тезис.

«Если допустить на мгновение, что некий, обладающий указанными чертами человек, поэт не изучал и даже не читал Маяковского, все равно, он не избежал влияния его традиций, ибо они стали лучшими традициями всей советской литературы».

В основе этого утверждения лежит софизм: вся советская поэзия продолжает традиции Маяковского, И — советский поэт, следовательно, И — продолжатель традиций Маяковского.

Формальное опровержение этого софизма можно найти в школьном учебнике логики. Но логическое опровержение его по существу.

Есть в нашей поэзии явления переходные и явления отсталые? Да, они есть в поэзии, как и во всем, что живет и развивается. И существуют они не в безвоздушном пространстве, а в конкретном творчестве, в стихах вполне конкретных поэтов, в том числе и в творчестве наших поэтов.

«Прогнозировать списком» всех действующих значительных поэтов в продолжатели Маяковского, значит закрыть глаза на реальные недостатки нашей поэзии, в том числе и армянской.

По мнению этого несостоятельного тезиса приводит Р. Григория к огромным перечислительным спискам, делает эту часть работы наиболее пассивной и наименее содержательной.

Сергей ЛЬВОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

УДИВЛЯТЬСЯ НЕЧЕМУ

(Диалог писателей)

Последний, XIII пленум правления ССП закончился 3 февраля 1951 г.

— Как вырос мальчик твой! Как быстро годы мчались! Был крошкой, а теперь — ушки на губах...
— Ну, что тут странного? Мы где с тобой расстались?
— Да на последнем пленуме правления ССП...

ТУТ НЕ ДО СМЕХА

«Хоть ты и в новой коже, Да сердце у тебя все то же».

И. КРЫЛОВ
— Комедию долой! — кричал вчера Режиссер, бесконфликтного наследия. Сегодня он кричит: — Комедия на шип! — И там же, где и был, заливом и сидит. Не это ли типичная трагедия?

О ВЕДУЩИХ И ВЕДОМЫХ

— Ты кто? Ведомый или ведущий? — Спросил прозвонка поэт.
— Не знаю, — тот сказал в ответ, — Но я работающий. Сущий.

Илья со всеми народами, Служа отечеству родному, Я, нашей партии ведомый, Работу в меру сил веду.

Писателям любовь величима! Не нужно выдавать чужим...

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

По следам неопубликованных писем

В редакцию обратился с письмом читатель Я. Дворкин, сообщивший о безобразном поведении некоего П. Гавруто, укнившего в нетрезвом виде скандал на улице.

Когда милиция призвала хулигана к порядку, он стал кричать: — Вы меня не смеете трогать! Я писатель!

Как вычисляла редакция, П. Гавруто хотя и козырял званием писателя, но в литературе ничем себя не проявил.

Его «литературный» багаж — это единственная повесть, написанная несколько лет назад и забракованная рядом ведущих издателей.

Другим «произведением» П. Гавруто является его недобросовестная рецензия на роман писателя Л. Лагина «Патент АВ», опубликованная в «Комсомольской правде».

Секретариат ССП, специально разбиривший это дело, осудил недобросовестные приемы П. Гавруто и вынес решение, напечатанное 4 августа 1951 года в номере 92 «Литературной газеты».

Кроме того, П. Гавруто рецензировал в Гослитиздате поступающие рукописи. Эти рецензии, нередко решившие судьбу произведения, в печати не публиковались, являясь внутрислужебными. Чем заслужил П. Гавруто такое доверие в Гослитиздате, неизвестно.

Письмо читателя Я. Дворкина было направлено в Бауманский райком КПСС Москвы.

Секретарь райкома тов. Андреева сообщила редакции, что вопрос о поведении П. Гавруто обсуждался на партбюро Гослитиздата, где П. Гавруто состоит на партийном учете.

За недостойное поведение в общественном месте и неприязнь своего непартийного поступка П. Гавруто вынесено партийное решение: строгий выговор с предупреждением, с занесением в учетную карточку.

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СТАЛИНСКОГО ПРЕМИИ

ИЛЛЯ ЭРЕНБУРГ

«Я хочу сказать, как писатель, который должен прислушиваться к гудящему биеанию человеческого сердца, как человек, переживший две мировые войны, вышедший с войны много горя и развалин: нужно слезать все, что мы можем, больше, чем мы можем, но только спасти мир!» — говорил с трибуны Венского Конгресса народов в защиту мира советский делегат Илья Эренбург. И сотни людей, собравшихся со всех концов земли, встретили восторженными аплодисментами и приветственными возгласами этот страстный призыв к миру, обращенный посланцем Советской страны ко всем, кому дороги жизнь и счастье человечества...

Советский писатель и борец за мир — понятия неотделимые. Ярким подтверждением этому является литературная и общественная деятельность И. Эренбурга. На двадцати пяти языках, далеко за рубежом Советского Союза, выходят его книги. В Вене и Стокгольме, в Париже и Копенгагене, в Монреале и Варшаве — во многих столицах и городах Европы, Азии, Америки с трибуны многочисленных аудиторий, со страниц прогрессивных газет звучал голос советского писателя, выступающего в защиту мира, в защиту жизни и человеческой культуры, созданной трудом поколений, гневно обличающего закоренелых фальшивых нововою.

В творчестве И. Эренбурга с присущей ему таланту силой выражены те идеи социалистического гуманизма, идеи мира и демократии, которым беззаветно служит наша советская литература — пирамица партии и народа. Романы и публицистические статьи Эренбурга, его беспощадные в своем уничтожающем сарказме памфлеты и страстные выступления на международных ассамблеях сторонников мира так тесно связаны внутренним единством мысли и чувства, что воспринимаются, как неотъемлемый в своем своеобразии дневник нашего времени, как живая летопись событий нашей эпохи. Она встает перед нами в произведениях писателя в ее самых существенных чертах, в характерных, разительных приметах и подробностях. Рассказ, который ведет писатель о ней, согрет трепетным чувством тревожащего волнения за будущее мира и радостной уверенностью в торжестве жизни, света, созидания.

«Мы храним память, как щит», — писал Эренбург в 1945 году. — и мы не позволим ни саксофонам, ни красноймозга залушить голос мертвых: мы не хотим, чтобы наши дети через десять, через двадцать или через тридцать лет пережили 23 июня... Я думаю о судьбе мира; ему едва исполнился месяц. Кто знает, как он нам дорог, этот долгожанный младенец! Мы не хотим, чтобы его заспали нерадивые няньки...

Год от года неодолимо растут и крепнут силы лагеря мира, ширится движение борцов против угрозы новой войны, и слово большого художника все глубже, все полнее и ярче, на примере многих человеческих судеб, показывая этот исторический процесс в его бурном развитии. «Война — дело людей, и люди могут предотвратить войну», — говорит Эренбург. «Мы отведем куда от груди человека».

В романе «Девятый вал» писатель создает широкую панораму борьбы за мир, на защиту которого поднимаются простые люди всех стран, люди разных взглядов и политических убеждений. Стокгольмская сессия, сбор подписей под Стокгольмским Воззванием, развернувшийся во многих странах, Варшавский Конгресс сторонников мира, — в главах, посвященных этим событиям, Эренбургу удалось поредать сплоченность фронта мира, решимость людей,

А. ТЕРТЕРЯН

• По-немецки — «Зверьчеловек»

Красота и правда

Кто из любителей музыки не помнит исполненного мучеи силы и красоты «Intermezzo» М. Мусоргского? В «Стасов» рассказывает о том, как развилась эта повесть. Зимой 1861 года Мусоргский гостил у своей матери в деревне на Погорелье. Он находился в праздничном, в солнечный день, увидел он тогда мужиков. Они медленно шагали по сугробам. «Это», — рассказывал композитор Стасову, — было все вместе и красиво, и живописно, и серьезно, и забавно...

Как художника, Мусоргский поразила живописность этого ритмического движения; было и забавно так вот пошлостью глядеть со стороны, как неуклюжий человек на глубоком снегу. Но взгляд мыслителя, гуманиста, большого художника не мог не увидеть в этой картине и другого... Одинокие, маленькие фигуры ореди необозримой снежной равнины. Упорное движение, где каждый шаг достигается с трудом. В этом было и что-то очень серьезное, идущее от судьбы этих людей, более значительное, нежели просто забавное шествие. Музыка не оставляет сомнений по этому поводу: в ней — и глубокое раздумье, и теплота, чуть-чуть ироническая улыбка, и суровая логичность мелодии. Вера в силу, в будущее этого неуязвимого, чудаческого мужика, любовь и симпатия к нему — вот что поднимало «Intermezzo» над уровнем только музыкальной зарисовки с натуры.

Но музыка порадила полнотой и теплотой именно потому, что в ней было «все вместе»: и мягкий юмор, и живописная красота, и глубоко затанная боль за человека, мысль о человеке.

Богатство, содержательность духовного мира — вот чего еще не хватало нашей современной музыке.

У нас долго существовала в симфонической литературе «математическая» музыка — сухое, бездумное упражнение в контрапункте. Некоторые композиторы после известного постановления ЦК партии о музыке обратились к освоению народно-песенного дала. Но перестройка иной раз проходила формально. Обращение к классическому наследию не означает отказа от подлинного новаторства. «Математическую» музыку можно писать и с помощью логарифмической линейки, и с помощью таблицы умножения старых школ. Музыка не будет и в том и в другом случае. Будет математика.

Думается, что опера Ю. Шапорина «Де-мисет» — это не математика, а музыка, которая...

ми встречами. Как далеко ушел он от М. Глинки в этом отношении, не утерю ни красоты мелодии, ни гармонического богатства, ни ясности музыкального мышления, присущих родоначальнику русской музыки. А. В. Стасов мечтал о времени, «когда опера в руках будущих продолжателей Мусоргского будет становиться все реальнее и реальнее, как и все вообще будущее искусство».

Русская музыка всегда была человечной, правдивой и потому истинно красивой. Обо всем этом хочется говорить в связи с возобновлением постановки оперы Т. Хренникова «В бурю» в театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Опера эта представляет нам улажен советской музыкальной культуры, подходом к драматическому решению спора о путях развития советской оперы.

Принципиальным достоинством оперы «В бурю», посвященной показу классовых борьбы в первые годы советской власти в таебской деревне, является жизненная достоверность. Антоновича, разжигание крестьянства, жестокие разочарования обманутых кулаками соратников, ходки к Ленину за правдой, торжество этой правды — многое емлесто действию оперы.

Но в том-то и драматургическая удача Н. Вирты. А. Файко и композитора Т. Хренникова, что столкновение социальных групп, что большие политические бури показаны через судьбы людские, выражены в типичных образах.

Перед нами — кусок самой жизни, где есть место и красоте, и живописности, и серьезности, и шутке. Зарев горняков деревни. Напряженность ожидания прихода антоновцев в село Дворики. И сразу — два лагеря. Злобная радость Сторожева, надежда Фрола получить землю, стать на ней хозяином, растерянность безняков, уход коммунистов в партизаны. И тут же молодая, горячая любовь батрака Ленки к дочери Фрола — Натане. Это еще первая картина. Но все узлы уже завязаны.

Нелегко судить людей из народа, трудно достоянием им счастья... И в трудностях жизни, в поиске своеобразия путей к большенности правды есть хорошая честность художника-реалиста. Очень многое было уже в романе Н. Вирты «Одиночество», сюжет которого положен в основу либретто. Авторы не пошли в драматизации романа по пути наименьшего сопротивления. Они не «иллюстрировали» идейные линии, а перенесли в спектакль

Ее, сначала робко, потом, проникновенно, страстным отчаянием, подхватывают остальные бандиты:

Эх, доля, неволя, Глухая тюрьма, Долина, осина, Могла темна!

Пыльные бандиты стоняют народ и заставляют биб пилать перед Антоном. Все быстрой и быстрой, в дикой отчаянной пляске кружатся бабы. В их глазах ужас, машинально-ритмичеки двигаются они, подкупаемые светом платок. Это насильное движение все нарастает. Но теперь они уже выражают протест, вызов. Кажется, это плянцует уже не ноги, а сама душа. Сколько здесь чисто русской удачи и упорства! Это смелое переосмысление традиционного оперного танца — заслуга и композитора и балетмейстера П. Холфина. Единое симфоническое развитие объединяет трестя картину, придает ей большую целостность. Завершает сцену на площади развитие темы Фрола: «За что надругались надо мной, над седой моей головой...» Тема эта проходит у скрипок в сцене молянт и громит медью в момент народного волнения, достигая большого обобщающего смысла уже в последней картине оперы — в сцене убийства Фрола Сторожевым. Там она звучит гневно, твердо, жестоко, как обещание неизбежной расплаты.

Т. Хренников удачно пользуется речитативом для изложения действия, противопоставляя его оркестру. Особенно большой выразительной силы достигает композитор в эпизоде ревности Натанки («Тиха я, безответна и кроха...») на фоне далекой песни антоновцев.

Оркестр все время участвует в развитии действия, то очень скупю и сдержанно «комментируя» его, как в прекрасной, полной глубокого драматизма сцене встречи Листрата и Ленки у матери, то мощно вступаю в диалог с певцами в третьей и особенно четвертой картинах.

В опере есть превосходные музыкальные куски, запоминающиеся арии, правды, не очень развернутые (Сторожева «Душ с севера лютя», Фрола «За что надругались», Колесникова и песня Ленки «Иза-за леса светится», песня Антонова с хором). Ансамбль в опере мало. Интересно и по замыслу и по исполнению трио без слов Анисья, Листрата и Ленки. Еще не вполне примирившиеся братья и мать сели по стогу перед расставанием. Задумались. Тихая, какая-то нерешительная мелодия то шепчется, то расхохоталась, как их мысли. Каждый думает о своем и друг о друге. И засыпает Ленка, склонив голову на плечо брата. Запоминается также

Владимир ОГНЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 8 17 января 1953 г. 3

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ БРУКИНГСКОГО ИНСТИТУТА

1. Кто владеет Америкой

Не так давно газета «Нью-Йорк таймс» — один из главных печатных рупоров монополий США — с ликованием объявила: в руках американских экономистов имеются «точные и конкретные данные для того, чтобы показать ошибочность одной из излюбленных пропагандистских установок газеты «Правда», т. е. ошибочность того, что американская экономика в основном принадлежит небольшой группе уолл-стритовских капиталистов, которые распоряжаются ею».

Поводом для подобного «сенсационного» заявления «Нью-Йорк таймс» послужил опубликованный еще летом 1952 года доклад Бруксингского института в Вашингтоне, содержащий результаты предпринятого этим институтом оригинального экономического обследования. Авторы этого доклада пытаются доказать, что американские корпорации отнюдь якобы не находятся под безраздельным контролем пресловутой «стихийной американизации», а принадлежат будто бы самым широким слоям населения США.

На каком же основании сделан такой вывод?

А на очень простом: ученые мужи из Бруксингского института в своем докладе утверждают, что, по данным проведенного ими обследования в США, имеется около 6,5 миллиона акционеров, иначе говоря, людей, владеющих акциями (т. е. документами о приобретении какой-то доли капитала акционерного общества). При этом «объективность» вашигтонских «исследователей» простирается так далеко, что, по их собственному признанию, обследование «касалось лишь самого факта владения. Не затрагивались никакие вопросы в отношении суммы и количества акций».

Конечно, на такой «научной» основе можно прийти к сползательным выводам. Намеренно уклоняясь от выяснения самых важных сведений, которые позволили бы установить действительное экономическое положение держателей акций, «исследователи» из Бруксингского института отчаянно записывают во «владельцы» корпораций любого гражданина США, купившего хотя бы одну акцию какой-либо монополии! Неважно, таким образом, владеет ли м-р Морган десятками тысяч акций на миллиарды долларов, а м-р Джон Смит — случайно приобретенной долей акции стоимостью в десять долларов: оба они — с легкой руки Бруксингского института — являются равноправными владельцами капиталистического хозяйства США...

Читатель, пожалуй, может подумать, что мы намеренно сгущаем краски. Отнюдь нет! Достаточно сослаться на те комментарии, которыми сопровождал доклад Бруксингского института буржуазная пресса США. Та же газета «Нью-Йорк таймс», расписывая идилическую картину «демократизации» американского капитализма, пошла еще дальше данных Бруксингского института и объявила «капитализм» любого гражданина США, который имеет несколько десятков долларов сбережений или хотя бы полдюжины акций — «владелец» корпораций... Эта газета прямо заявила: «Теперь все те, кого убеждали в том, что американская промышленность и коммунальные предприятия являются собственностью алчных богатей, должны изменить свое мнение».

И, наконец, вот «мораль» по пропагандистским басням, распространяемым Бруксингским институтом, которую во всех снах пытаются вынуть миллионы рядовых граждан США «Нью-Йорк таймс»: «В Соединенных Штатах собственности стала так широко распространенным явлением... — статистически выясняется, — о каком и не мечтали Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Америка принадлежит нам, американцам, и всем нам выгодно процветание крупных корпораций, деятельность которых стала возможной благодаря нашим сбережениям»...

Вот, оказывается, как далеко рассчитана идеологическая диверсия «исследователей» из Бруксингского института — они пытаются «опровергнуть» — ни более, ни менее! — марксизм. Американские гангстеры пора осмелевают писать о Марксе и Энгельсе! Жалкие пигмеи! Понисте, их цинизм может опровергнуть только с их же невежеством и тупостью. Они селятся объявить «истействительными» открытые Марксом и Энгельсом законы развития капиталистического общества, основанного на беспощадной эксплуатации широких масс трудящихся кучкой капиталистов!

Секрет такого рвения присяжных «теоретиков» из Бруксингского института выдал английский журнал «Тейтстис». Как сообщала нью-йоркский корреспондент этого журнала, «исследовательская» вылазка Бруксингского института была проведена по заказу президента нью-йоркской фондовой биржи Фанстона, который «оказал всеческое содействие обследованию»... «Тейтстис» достаточно ясно изложил и те мотивы, которыми руководствовались Фанстон и его подручные. Это высказывание английского умеренно консервативного журнала настолько выразительно, что мы позволим себе привести его целиком.

«Кто владеет Америкой?» — спрашивает журнал «Тейтстис». И отвечает: «В наше время, когда Соединенные Штаты являются единственным значащим капиталистическим обществом, это не академический вопрос. Критика капитализма, независимо от позиции, с которой она критикуется, и независимо от предлагаемых или изменений, основывают свои обвинения на той предполо-

жении, что капиталистическое общество эксплуатирует массы в корыстных интересах незначительной кучки. Нападки на наглых, злых магнатов Уолл-стрита и их злобные операции исходят не только из Москвы».

Уолл-стрит весьма чувствителен к этим нападкам. Его обитатели некоторое время тому назад пришли к выводу, что лучшим отпором на эти нападки является возмездие: показать, что Америкой, если говорить о корпорациях, составляющих ее жизненную силу, в действительности владеет рядовой гражданин. Они хотели бы получить возможность провозгласить, что «Уолл-стрит принадлежит Мейн-стриту» (т. е. народным массам. — Н. Л.).

Именно этой цели и служат фальсифицированные «данные», приводимые в докладе Бруксингского института. Однако даже журнал «Тейтстис», пытающийся вслестичи подержать тезис о деятельности и возможности «демократизации» капитализма, вынужден был заявить о «доказательствах», добытых Бруксингским институтом: «Они несомненно, и это, пожалуй, никого не удивит».

Идеологи капитализма давно уже бьются над поисками средств, которые могли бы в глазах народных масс замаскировать звериную природу буржуазного общества. Миф о «демократизации» монополистического капитализма путем широкого распространения среди населения акций, выпускаемых компаниями и корпорациями, тоже не нов. Его разоблачили еще в 1916 году В. И. Ленин, писавший тогда: «Демократизация» владения акциями, от которой буржуазные социсты и оппортунистические «тоже-социал-демократы» ожидают (или уверяют, что ожидают) «демократизации капитала», усиления роли и значения мелкого производства и т. п., на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии».

Нынешняя американская действительность с новой силой подтверждает полную справедливость этого ленинского положения. Весьма характерно, что даже данные официальных учреждений США, отнюдь не склонных публиковать исчерпывающую информацию о делах монополий, полностью разоблачают попытку Бруксингского института выдать черное за белое. Возьмем, к примеру, сведения о распределении акций между различными группами держателей, опубликованные в сентябрьском номере бюллетеня федерального резервного управления США.

Признание, содержащееся в докладе этого управления, достаточно красноречиво. Первое признание: 93 процента американских семей вообще не имеют никаких акций; из остальных же 7 процентов, владеющих акциями, большинство принадлежит «относительно небольшому числу акций», как об этом с похвалой «скромностью» повествует бюллетень.

Второе признание: по крайней мере 2/3 всех выпущенных в США акций принадлежит 1 проценту американских семей. Третье признание (самое неприятное для заокеанских мастеров фальсифицирования анкет и «выборочных» опросов): 99 процентов невалифицированных рабочих и 95 процентов валифицированных и полувалифицированных рабочих не имеют никаких акций.

Может, естественно, возникнуть вопрос: почему же прислужники монополий из федерального резервного управления не спорились со своими коллегами из Бруксингского института? Но это — обычное явление. Все дело в том, что каждый из этих докладов адресован различной аудитории; бюллетень федерального резервного управления предназначен «деловым людям» и не имеет хождения в широких кругах читателей, а страница Бруксингского института, ну что рекламированная печатью монополий, как раз и предназначена для обмана миллионов рядовых американцев.

Клика уолл-стритовских магнатов, подмывая под себя экономику крупнейшей капиталистической страны, обогащается за счет безудержной тонки вооружений, беспощадной эксплуатации американских трудящихся и ограбления народов зависимых от США стран. Это реальный факт. А вот шесть с половиной миллионов «акционеров», которым, как высокопарно заявляют реакционные газеты, «принадлежит» якобы «корпорация Америка» — это миф, созданный пропагандистами монополий.

2. Как грабят с помощью акций

О чем же, однако, свидетельствует цифра — 6,5 миллиона держателей акций, — опубликованная Бруксингским институтом? Конечно, не о наличии «демократизации» капитала в США, а о широчайших масштабах ограбления американских масс — прежде всего мелкой буржуазии — заправщиками монополий с помощью выпуска акций для продажи «всем желающим».

Перед мрачным знанием с мрачной табличкой «Национальный банк» — толпа взволнованных, охваченных паникой людей. Воздух сотрясает тысяча выкриков, проклятий. Эти люди в растерзанной одежде, с лицами, на которых написано отчаяние, кого-то неведомо безнадёжно молят о пощаде, кого-то проклинают в бессильной ярости... Их обескураженные глаза прикованы к лаконичному объявлению, висящему на запертых дверях банка: «Платежи прекращены».

Что же здесь происходит? Сцену, подобную описанной выше, можно найти во многих произведениях американских писателей-реалистов, например, в замечательных романах Теодора Драйзера, мастера воссоздавшего в «Финансисте», «Титане» и других своих книгах полнокровную картину обогащения капиталистических хищников. Подобная сцена — лишь обычный в США эпизод очередной биржевой паники, когда цены на акции стремительно падают в 10—20 раз ниже первоначальной цены.

Для десятков тысяч мелких держателей, вложивших с трудом накопленные деньги в

акции, это — крах, гибель, конец всех жизненных перспектив... А для воротил монополий — это лишь обычная «игра на понижение», когда крупные бизнесмены скакут по дешёвке акции мелких держателей.

Через некоторое время те же монополизисты, заправляющие на бирже, снова вздувают цены на акции, прибирая к рукам новые жертвы, отнимая сбережения еще у многих и многих тысяч мелких собственников. Это уже будет «игра на повышение». Но результат остается все тем же — миллиарды соберут новый урожай долларов!

Это явление получило название «фондовой экспансии», оно стало одним из орудий обогащения монополий. Подобная «экспансия» принимает особенно грандиозные размеры в период экономических кризисов — так было, например, в 1929—1933 годах. В 1948—1949 годах также происходило сильное падение акций на биржах США. Это еще раз дало возможность биржевым волкам ободрать до нитки мелких держателей ценных бумаг.

Наряду с акционерными обществами, прибирающими к рукам сбережения миллионов мелких собственников, так сказать, в рамках буржуазной законности, биржевые спекулянты нередко прибегают к созданию дутых акционерных обществ, основан на капитал которых вообще не обеспечен никакими ценностями. Выступив в пролажу акции подобного общества, они попросту обворовывают широкую публику. В момент неизбежного краха такого фиктивного общества деньги, вложенные мелкими держателями в акции, им уже не возвращаются — они остаются в карманах «сучьих делов».

3. Тридцать два цента и 14.423 доллара

Держатель одной или нескольких акций — жертва (а таких жертв, как свидетельствует Бруксингский институт, миллионы!) хозяев монополий. Вовлечение в биржевую игру сбережений мелких собственников позволяет банкам и крупным спекулянтам-финансистам, как говорят на своем жаргоне «деловые люди», «стричь биржевых овец», отнюдь не делаясь с ними прибылями.

В Соединенных Штатах компании и тресты с акционерным капиталом составляют господствующую форму предприятий. Широко распространение акций различных компаний и корпораций является основным способом выкачивания сбережений, немощных монополий мобилизуют таким путем миллионы не принадлежащих им долларов для своих операций. На эту удочку попадаются обычно люди, мечтающие путем покупки нескольких акций выгодно «поместить» свои незначительные, по большей части с трудом накопленные сбережения, — мелкие торговцы, служащие ресторанов, фермеры. Сюда же относятся и незначительные прослойка «высокооплачиваемых рабочих из так называемой «рабочей аристократии».

Десятки миллионов трудящихся США, и это вынуждено признавать даже официальная статистика, не могут делать никаких сбережений, ибо их жизненный уровень урезан до голодного минимума капиталистической эксплуатацией на производстве, высоким налогами и ценами. У тех же слоев населения, которые все же имеют кое-какие сбережения, монополизисты выкачивают эти «свободные» деньги путем широкой продажи акций. Такая система позволяет крупным капиталистам мобилизовать для своих операций значительные средства на весьма выгодных для себя условиях — выкачка средств у населения является наиболее дешёвым кредитом, который где-либо могут получить капиталисты!

Надо также учесть, что тот ничтожный процент, который монополизисты выделяют в качестве «вознаграждения» мелким держателям, с легкой окупается. Ведь эти деньги играют важнейшую роль в разращении широких кругов американского населения буржуазной идеологией. Недаром правящие круги США настойчиво распространяют гнусные иллюзии относительно «возможности» превращения каждого американца в... миллионера. На протяжении десятилетий буржуазная печать, а также все прочие средства пропаганды, находясь в распоряжении Уолл-стрита, вколачивают в головы рядовых американцев, что каждый из них имеет якобы «шанс» стать богачом. И миллионы мелких собственников попадают на эту приманку — «за вудру!»... Небольшой мук акций составляет также и один из видов «подготовки» профессиональных боссов и прочих предателей, вербующих из рядов «рабочей аристократии».

В любом акционерном обществе США занимают господствующее положение крупные капиталисты, обладающие контрольными пакетами акций.

Бесспорный факт, что во всех отраслях экономики США небольшая группа акционеров владеет гораздо большей суммой акций, нежели десятки и сотни тысяч мелких и средних держателей. Можно сослаться, например, на доклад временной экономической комиссии американского правительства о концентрации экономики в период второй мировой войны, внесенный в материалы 79-го конгресса США. В этом докладе сказано, что половина всех средств американских корпораций принадлежит не более чем 75 тысячам человек. Эта же комиссия сообщила, что в течение 1927—1937 годов около 60 процентов всех прибылей по акциям получили лишь 1 процент общего числа семей США.

К моменту окончания второй мировой войны концентрация прибылей в руках небольшой кучки магнатов финансового капитала приняла еще большие размеры. Так, в июле 1948 года журнал «Экономика аутлет» писал, основываясь на данных министерства финансов США за 1945 год, что 33 миллиона человек с годовым доходом менее 3 тысяч долларов получали в виде процентов и дивидендов в среднем всего лишь 17 долларов в год, т. е. 32 цента.

В неделю. А 71 человек, с годовым доходом свыше 1 миллиона долларов у каждого, получали в среднем 750 тысяч долларов в год, или 14 423 доллара в неделю! Надо ли комментировать разницу между 32 центами и 14 423 долларами в неделю?

4. Старая поудка на новый лад

Проводя «классового мира» между богачами и нищими, проповедь «сотрудничества» между эксплуататорами и эксплуатируемыми, с которой, по сути дела, выступил Бруксингский институт, давно уже используется под различными этикетками правящими кругами США, Англии и других капиталистических стран для обмена народных масс. Еще после первой мировой войны крупный британский финансист магнат Монд проповедовал «мир в промышленности». Монд утверждал, что в Англии нет никакого антагонизма между предпринимателями и рабочими, составляющими «единую семью» английского народа. Проводя Монд была призвана обмануть рабочих, заставить их отказаться от классовой борьбы, сделать их покорными слугами монополистического капитала.

И отнюдь не случайно теория «мира» в промышленности столь возлюбилась гитлеровской верхушкой — фашистские «теоретики» и практики фашизма, вроде д-ра Лей, главу гитлеровского «трудового фронта» в гитлеровской Германии. Лей организовал в широких размерах принудительную подписку рабочих и служащих на акции предприятий, принадлежавших угодным биржам, стальным и пушечным кораблям. Кроме того, фашистская администрация вычитала из зарплат рабочих и служащих определенные суммы, так называемые «железные сбережения». Эти деньги шли на финансирование гитлеровской военной машины и должны были якобы быть возвращены после войны.

Часто забывают о том, что гитлеровские заправщики во многом позаимствовали все эти приемы и методы из повсеместной практики финансовых магнатов США, которые в течение многих десятилетий непрерывно совершенствовали разнообразные способы выкачивания денег из эксплуатируемого народа. Ныне в США, открыто возглавляющих лагерь реакции, агрессии в войну, эта чудовищная машина изощренного экономического грабежа и выдвигается идеологами Уолл-стрита за «демократический капитализм»!

Одним из характернейших приемов американских монополий, в котором выгодно (для капиталистов!) сочетаются дополнительные источники ограбления трудящихся с попыткой их идеологического растления, является привлечение рабочих и служащих к участию в прибылях. Это делается путем навязывания им акций данной фирмы или компании. Такие «держатели» акций и фигурируют в докладе Бруксингского института в числе символических «капиталистов», владеющих 1—2 акциями. Рабочим навязывают и так называемые «серые» (долгие) акции в 10 долларов и т. п.). Для примера обратимся к практике моргановской «Американской телеграфной и телефонной компании». Она насчитывает более миллиона держателей акций. Еще в 1947 году компания обязала всех своих сотрудников приобретать у нее акции. Продажа акций сотрудникам рассматривалась, таким образом, как средство внедрения и укрепления идеи «классового сотрудничества» рабочих и предпринимателей.

Яркими защитниками и рекламными агентами идеи «классового мира» являются преданные прислужники Уолл-стрита — правые социологи. Они прикладывают немало трудов, чтобы подвести «теоретическую основу» под эту буржуазную ложь, чтобы обмануть миллионы трудящихся в странах капитализма, заставить их примириться с империалистическим рабством. «Я марксизм, я материализм, я борьбу классов мы не признаем», — цинично заявляет один из право-лейбористских боссов Морган Филиппс, являющийся в то же время председателем так называемого «социалистического интернационала».

Правые социалистические прислужники американского империализма вслестичи воспевают капиталистическую Америку. Так, французский правый социалист Андре Фидаль в газете «Популар» утверждает, будто бы в США капитализм «никогда не носил буржуазного характера» и что якобы «в США и теперь не существует никакой социальной дифференциации». Правые социалисты в Западной Европе и в Азии болят о замене капитализма неким «демократическим социализмом», который на поверку, как две капли воды, схож с «демократическим капитализмом» уолл-стритских воротил. Проводя отказ от классовой борьбы, отравляя рабочее движение ядом буржуазной идеологии, правые социалисты возводят вож в спину рабочего класса.

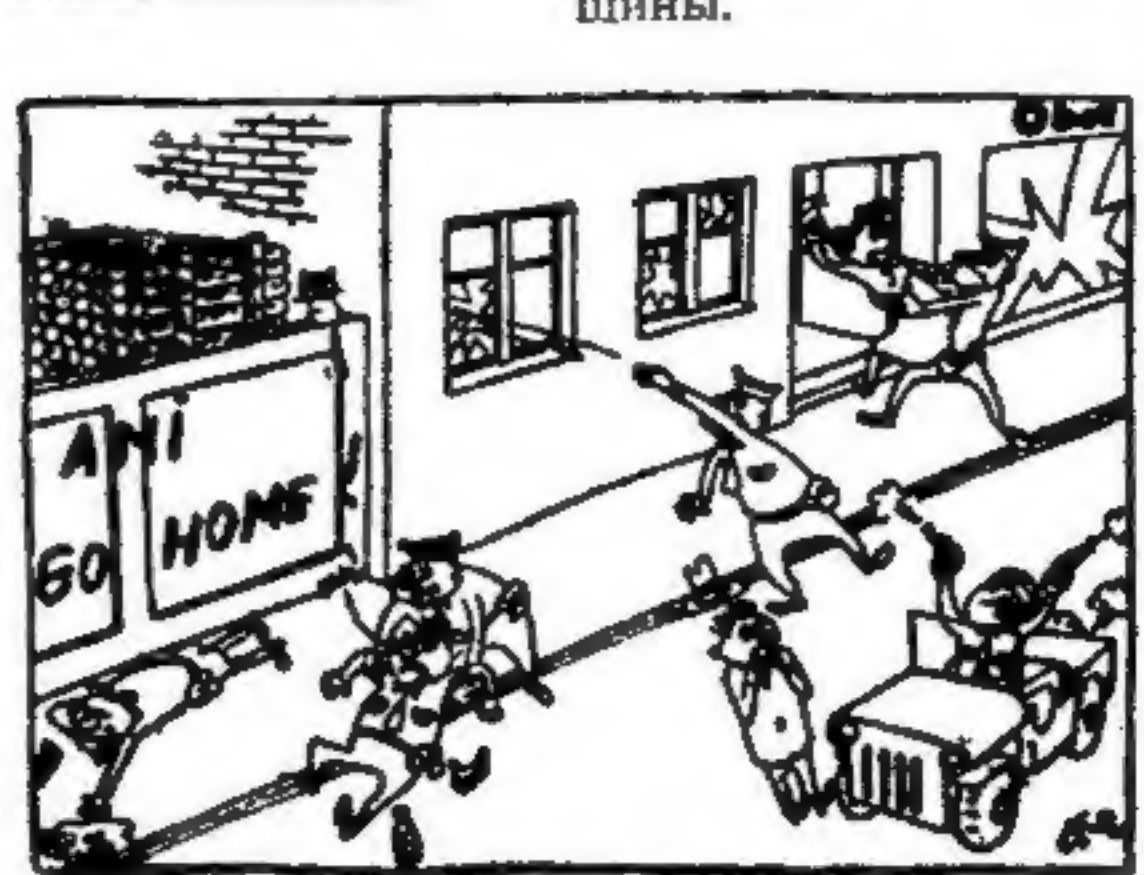
«Теоретические» выкладки право-социалистических лагерь и ученых прислужников монополий призваны также поддерживать и популяризировать в широких массах миф о «демократизации» капитала. А заправщики монополий США признают этому яду немалое значение. По их расчетам, внедрение «идеи участия в прибылях» позволяет им еще успешнее грабить народ и одновременно прививать широким массам буржуазную идеологию.

«Внушить эту идею», — заявляет тот же английский журнал «Тейтстис», — такова цель г-на Фанстона (упомянувшегося уже нами президента нью-йоркской биржи. — Н. Л.) и его соратников».

В погоне за наивысшими прибылями американские монополии, целиком потопившие себе государственный аппарат, прибегают к различным приемам маскировки своих подлинных целей и намерений. Проводя «мира в промышленности», «классового мира» в «демократическом капитализме», фальшивая пропаганда превращения обнищавших пролетариев в «капиталистов» входит в арсенал испытанных средств монополизистов и их лакейских — профсоюзных боссов, деятелей пролажной прессы и жрецов жеманку. Именно к числу последних и принадлежит идеологический диверсант из Бруксингского института.

Международная почта

ЯНКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

— Джими! Скажи, где мы, собственно говоря, находимся? В Англии, Франции, Германии или Японии? — Стрелай, Дик! Пошемп разберись! Рисунок худ. Шинитта из немецкой газеты «Берлинер цейтунг»

КАЛЕНДАРЬ РЕВАНШИСТОВ

Среди массовых западногерманских изданий, пропагандирующих (с полного одобрения американских оккупационных властей) идею возрождения гитлеровского вермахта, особого внимания заслуживает недавно вышедший в свет «Немецкий солдатский календарь на 1953 год». «Солдатский календарь» издан громадным тиражом. На его обложке изображен солдат гитлеровской армии в стальном шлеме, обрамленный символической лавровой веткой. В предисловии, написанном военными преступниками, неизвестным генералом Гудераном и вливым Гансеном, многозначительно подчеркивается: календарь должен «воскресить воспоминания о прошлеме» и вместе с тем «направить взгляд в будущее». Авторы предисловия указывают, что издание это посвящается всем тем, «кто еще томится в тюремных стенах». И чтобы не оставалось сомнений в том, что имеется в виду, сразу же вслед за предисловием помещена фотография одного из «наибольших мучеников» — бывшего фашистского генерала-фельдмаршала Эриха фон Манштейна в военном мундире при всех орденах.

В календаре безудержно воспеваются гитлеровская армия, солдаты которой якобы были «идеальными» во всех отношениях. Приговор Нюрнбергского трибунала для авторов календаря — акт «бесчестия». Редакция оплакивает «страгический конец» некоторых генералов вермахта. Однако следует заметить, что в календаре в целом плохо скрытой угрозы, что молчание гитлеровских солдат не продлится долго — им уже «указан дальнейший путь, ведущий к сильной Европе».

Показательна рубрика «Памятные дни», в которую включены, как праздничные дни, так и наиболее кровавые преступления гитлеровской армии. Помещены в календаре многочисленные фотографии «корифеев немецкого солдатского духа», вроде военных преступников Деница, Рундштедта и Кессельринга. Этот «Солдатский календарь» — яркий образец самой беззастенчивой и наглой милитаристской пропаганды, процветающей сейчас в Западной Германии. Он в то же время является плодом тех неустанных работ, которыми американские оккупационные власти окружают распоясавшихся западногерманских реваншистов.

ОСЕЧКА

Изданный в 1951 году в Париже «Ежегодник прессы» утверждает, что американское агентство Кистун — это «справочное на весь мир фотоагентство, обладающее возможностями поставляет в кратчайший срок известия из-за границы, снабжать печать статьями, репортажами и документами самого сенсационного характера».

Ныне агентству вменяется, повидному, в обязанность не только пропаганда американского образа жизни, но и всяческая реклама «достижений» стран, опекаемых янки-империалистами. Но беда в том, что действительность не вписывается в эти рамки. Для этого весьма мало пригодного материала.

Французская газета «Юманите — динамик» привела великолепный пример деятельности агентства Кистун. Агентство решило поведать миру о том, каким почетно якобы пользуются в Западной Германии классики мировой литературы. В частности, великий французский писатель Виктор Гюго, в качестве весточного доказательства фотоагентство распространило изображение почетной марки с портретом Гюго, сочинив к ней следующую подпись: «В Западной Германии Виктор Гюго в почете. Почта Западной Германии создала новую марку в честь Виктора Гюго».

Но произойла осечка. Агентство Кистун было уличено в подлоге. Дело в том, что оно пренебрегло одной «деталью», которой не следовало пренебречь. На марке отчетливо видна надпись: «Германская Демократическая Республика». Именно там, а не в Западной Германии и была выпущена в ознаменование 150-летия со дня рождения Гюго эта марка.

Описанный случай характеризует методы работы «прославленных на весь мир» американских буржуазных агентств.

УБИТ ВО ВЬЕТНАМЕ...

То одна, то другая итальянская семья получает из Франции от военных властей известие о скорбном событии. О ком идет речь, какое отношение имеет Италия к «грязной войне» французских колонизаторов во Вьетнаме? Речь идет о молодых итальянцах, которые подпадали уговорам вербовщиков, вступили во французский иностранный легион и, посланные в качестве ланцекетов в Индо-Китай, нашли там свою гибель.

Как все это происходит, можно проследить на примере двадцатилетнего итальянца из города Терамо — Эмилио Дженовези, о судьбе которого рассказала газета «Унита». Траурное извещение, полученное старым Гастонем Дженовези, было первым и последним известием от сына, который летом 1951 года покинул родной город и отправился искать работу. Но в Италии и без Эмилио Дженовези было более двух миллионов безработных. Отчаявшись найти работу на

родине, он решил испытать счастье во Франции. Вместе с тремя товарищами Эмилио, после долгих блужданий в горах, перешел французскую границу. Однако и во Франции дела обстояли не лучше: устроиться куда-либо оказалось невозможным. Вскоре измученных и голодных юношей арестовала полиция. Они были поставлены перед выбором: либо вернуться в Италию и попасть в тюрьму за нелегальный переход границы, либо вступить в иностранный легион — вербовщики сулили им сытую и привольную жизнь.

Так, безработный итальянский юноша Эмилио Дженовези стал наемником французских колонизаторов. В составе 1-го батальона 5-го пехотного полка иностранного легиона он воевал против борющегося за свободу и независимость вьетнамского народа и пал беславною смертью наемного солдата империализма. «Он погиб», — пишет газета «Унита», — не воя им защиты родины, не во имя благородного и правого дела. Он погиб потому, что его родная страна не могла дать ему ничего, кроме бесперспективной нужды. Теперь, похороненный на берегу Черной реки, которую уже форсировали победоносные войска Народной армии Вьетнама, Эмилио Дженовези вызывает: нужно сделать так, чтобы никому не пришлось следовать за ним по пути, пролитому кровью нищеты и отчаяния».

ПИРАТЫ XX ВЕКА

Недалеко от берегов Испании, в открытом море, не так давно произошло необычайное событие. Голландское судно «Комбинатик», шедшее с грузом сигарет, подверглось нападению... пиратов! Как сообщает австрийская газета «Эстеррейхше фольксшитинг», пираты подошли к «Комбинатику», взяли его на абордаж и завладели грузом стоимостью в 100.000 долларов.

В середине XX века пираты в европейских водах — явление не частое. Вполне естественно, что происшествие наделало много шума. На ноги была поставлена полиция ряда стран. Предпринятые розыски дали результаты: удалось задержать судно «Дель», казавшееся тем самым пиратским кораблем, который ограбил «Комбинатик». Выяснилось любопытные детали деятельности пиратов XX века. Судно «Дель» принадлежало группе спекулянтов в авантюристическом, возглавляемом американцем Форестом. Его ближайшим помощником был другой янки — Сидней Х. Пейли, хорошо известный в Танжере «почтенный американский коммерсант», владелец фабрики нейлонового белья. Форест и Пейли специально снарядили «Дель» для пиратских набегов.

В погоне за наживной американские бизнесмены готовы пользоваться любыми методами грабежа, в том числе и средневековыми!

Каждый день этот западногерманский безработный запускает в то, в другом месте Гамбурга воздушного змея с надписью: «Я ИЩУ РАБОТУ». Но, даже этот экстраординарный способ поисков работы не приносит желаемых результатов — работы нет...

Смесь

Мрачное предостережение. Австрийский министр социального обеспечения Майнхарт неожиданно разоблачен. Майнхарт, по сообщению, опубликованному в «Прессе» и «ЭВ», информация о бюллетене австрийских профсоюзов, он заявил: «Яко в прошедшем году ясно обозначилась угроза, нависшая над 1953 годом. Нам предстоит кризис, со школьным возрастом. Так, очевидно, и договорились с органами прощения. И вот журнал «Ньюс» пишет: «Подготовка теперь научается выполнять агитацию, агитацию, агитацию...».

Управление внутренних дел (отдел министерства финансов США, ведущий, в частности, разведку) — «Примечание: подготовка к курсу, посвященный этому предмету, и вскоре расширит учебные пособия директоры школ по всей стране».

Это сообщение — «Ньюс» — глубоко осмыслено и озаглавлено: «Чем раньше, тем лучше».

Ясная перспектива. В самом начале 1953 года, когда в США сбором налогов с населения, решил, что тренировка будущих налогоплательщиков должна начинаться с детства, министр юстиции Турин осудил большую программу строительства «современного типа». В 1953 году должны быть начаты постройке 20 домов в Англии, Британии, Золотой, Импери. Эльбштадт, Эрих и других местах страны.

Очередной подарок Круппу. Немецкий военный преступник пушечный король Крупп, освобожденный американцами из заключения, получил в подарок от английских оккупационных властей в Западной Германии. Считая, что герру Круппу тесно в его огромном фамильном дворце «Импери Холл», расположенном восточнее Эссена, добрые англичане явля возвращать ему ранее конфискованную фефенберговскую виллу «Нарденбург» близ Тамбура.

Специально для престарелых. Эти сигареты изготовлены без всякого участия негритянской рабочей силы. Поэтому цивилизованные люди и не должны курить их. Не испытывая отвращения. Так, по словам испанского журнала «Мундо»: табачные фабрики Южно-Африканского Союза не имеют никаких проблем, производящих выпущенных ими новых сигарет. Реклама вполне в духе г-на Сталина, фашистского премьер-министра этой страны.